

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. «Ярд»	9
1. Осквернители праха	30
2. Расчленители	49
3. Нераскрытое	63
4. Время сыска	83
5. Убийство в особняке	105
6. «Ревностные усилия»	120
7. Смерть в Даддлуике	154
8. Мученик и монстр	164
9. Суд над детективами	182
10. «Человеческая злокозненность»	200
11. Письмо из ада	224
12. Доктор Смерть	250
13. Отдел убийств	267
14. В погоне за Криппеном	286
15. Невесты в ванне	323
16. Преступления военного времени	362
17. Страшное слово «Крамблз»	388
18. В сундуке	428
19. Выстрелы в упор	457
Эпилог. Былые отпечатки пальцев	489
Благодарности	501
Примечания	503
Библиография	574

Пролог

«Ярд»

Убийства на Рэтклиффской дороге. Новая полиция

Эта дорога, главная транспортная артерия, ведущая из Лондона на восток, была явно не для робких путешественников. Само ее название Ratcliffe происходило от утеса (cliff) из красного песчаника, нависавшего над Уоппингскими болотами, и звучало довольно зловеще³. Дома со съемными квартирами и обветшалые коттеджи — прибежища матросов и вообще тех, кто служил в портах и на кораблях, ходивших по Темзе, рядами громоздились вдоль тесных улочек и переулков. К началу XIX века за этими местами прочно закрепилась недобрая слава рассадника «необузданного порока и пьяного насилия, всего самого грязного, буйного и развратного» [1]⁴.

Кабаками и лавками была полна узкая улица, тянувшаяся от Тауэра мимо Уоппинга («обычного места казни, где вешали пиратов и прочих морских разбойников») до Шедуэлла. Река, по которой суда доставляли товары в Лондон и из Лондона (товарообмен шел как с другими странами, так и с северными областями Британии), служила главным источником торгового дохода. Один из современников даже назвал эту дорогу «настоящей Риджент-стрит⁵ для лондонских моряков» [2].

³ Ratcliffe — «Крысиный утес». — *Здесь и далее прим. пер., если не оговорено иное.*

⁴ В квадратных скобках даны номера авторских примечаний, помещенных в конце книги.

⁵ Риджент-стрит — улица лондонского Вест-Энда, известная дорогами магазинами и ресторанами.

Тимоти Марр, 24-летний торговец льняным товаром, был владельцем скромной лавки по адресу Рэтклифф-хайуэй, 29. Когда-то он ходил матросом на судах Ост-Индской компании, но в 1808 году оставил морскую жизнь ради более спокойного существования. В апреле 1811 года женился на девушке по имени Селия и вскоре открыл свой магазин, надеясь на грядущее коммерческое процветание. Эркер с рамой, выкрашенной в зеленый цвет, позволял прохожим увидеть полки, забитые товаром, а Марру — смотреть, как по Рэтклиффской дороге разъезжают конные повозки и телеги, перевозящие табак и пряности, сахар и ром, кофе и чай [3].

7 декабря 1811 года, в субботу, незадолго до полуночи Марр, неустойчиво трудившийся за прилавком и проголодавшийся после долгого рабочего дня, попросил свою служанку Маргарет Джуэлл сбегать за устрицами, а заодно оплатить счет у булочника. Закутавшись в шаль, она выскользнула на холодную ночную улицу. Окна лавок, рядами выстроившихся вдоль мостовой, почти все были темны, лишь кое-где пробивался тусклый желтый свет ламп. Маргарет поспешила к дверям «Устричной лавки Тейлора» (налево, через несколько домов), но обнаружила, что она уже не работает. В этот поздний час закрылась и булочная. «Меня не было всего-то минут двадцать, — рассказывала потом Маргарет, — но когда я вернулась, то увидела, что хозяйская лавка заперта и свет нигде не горит»⁶ [4].

Озадаченная служанка позвонила в дверь, но ответа не дождалась. Не могли же они успеть запереться на ночь и лечь спать за время ее совсем недолгого отсутствия? Когда она уходила, Марр еще не закончил раскладывать товары,

⁶ Здесь и далее мы стараемся передавать речь представителей «низших классов» более органично, чем это сделано в оригинале: автор был вынужден пользоваться источниками соответствующего времени, в которых даже служанки часто разговаривают как светские дамы. Возможно, к такому облагораживанию прибегали из соображений «приличия» или для придания тексту большей официальности (например, в судебных отчетах).

готовясь к завтрашнему торговому дню, а Селия только-только спустилась в кухню (на цокольном этаже), чтобы покормить их трехмесячного сына. Маргарет все более настойчиво звонила в колокольчик. Из-за двери донесся тихий, но отчетливый звук шагов на лестнице. «А еще я услышала, как где-то тихонько плачет ребенок, — говорила она впоследствии. — Тогда опять стала названивать и даже ногой в дверь постучала» [5].

Казалось, прошла целая вечность, когда около часа ночи Джордж Олни, местный ночной сторож, обходя свой участок, подошел к дому, куда звонила и стучалась Маргарет, и спросил, отчего весь этот переполох. Рассказ служанки он счел странным и сам принялся колотить в дверь, громко зовя Марра. Но передняя часть лавки оставалась темной и безмолвной. Шум на улице привлек внимание Джона Мюррея, ростовщика, жившего по соседству. Оценив положение, он перелез через невысокую стенку в садик позади дома Марров и увидел огонек, мерцавший в одном из верхних окон. Затем вошел в лавку через черный ход.

— Марр, — позвал он. — Марр, у тебя ставни не заперты. Молчание.

Мюррей поднялся по лестнице и обнаружил на площадке зажженную свечу. Подняв свечу повыше, он различил в ее бледном свете, что «две двери комнаты, где обыкновенно спал мистер Марр, открыты настежь». Из чувства приличия Мюррей не стал заглядывать в это помещение. Он спустился вниз, чтобы посмотреть, как дела в самой лавке, и здесь попал в кровавый кошмар [6].

В шести футах от нижней ступеньки он обнаружил 14-летнего Джеймса Гоуэна — мальчика-рассыльного, служившего у Марров, «лежащим ничком... с вышибленными мозгами, часть коих даже покрывала потолок; кровь виднелась также на стене и на прилавке». В ужасе, спотыкаясь, Мюррей прошел к входной двери и тут увидел Селию — она тоже лежала лицом вниз, и вокруг нее растекалась лужа крови. Между тем возле лавки успела собраться целая толпа зевак, смекнувших,

что дело неладно. Они придвинулись поближе, когда дверь распахнулась и в проеме показался Мюррей. Свеча освещала его побледневшее лицо [7].

— Входите же, ради всего святого, — вскричал он, — и посмотрите, какое здесь случилось жуткое убийство!

Толпа, теснясь, ринулась в лавку. Вошедшие переступили через «изувеченное кровоточащее тело» Селии, увидели мальчика-рассыльного, лежавшего у задней стены. Тимоти Марр «с весьма обильным головным кровотечением» лежал за прилавком. В поисках младенца, Тимоти-младшего, пришлось спуститься по лестнице в полуподвальную кухню. Ребенка обнаружили мертвым в колыбели. Кровь сочилась у него изо рта и из перерезанной шеи [8].

Увидев весь этот ужас, Маргарет зашла в крике [9].

* * *

Коронерское следствие проходило днем во вторник, 10 декабря, в пабе «Веселый моряк», через улицу от дома, где произошло убийство. Хирург⁷ Уильям Солтер, исследовав тела, дал официальные показания о результатах осмотра, подробно описав зверскую жестокость, выходившую далеко за рамки того, о чем поведали первые газетные сообщения:

У Тимоти Марра-младшего левая внешняя шейная артерия полностью рассечена; от левой стороны рта, поперек указанной артерии, проходит рана длиною не менее трех дюймов; на левой стороне лица видны несколько отметин, свидетельствующих об учиненном насилии. У Сесилии [sic] Марр, жены хозяина, трещина левой сто-

⁷ В те времена хирургами в Британии именовались врачи довольно широкого профиля; как правило, по статусу они были ниже «доктора», получившего полноценное медицинское образование. При этом существовали должности приходского хирурга (по сути, приходского врача), судебного хирурга и т. п. — их мог занимать и «доктор».

роны черепа, височная кость совершенно уничтожена... У Тимоти Марра-старшего сломан нос. Затылочная кость также треснула; над правым глазом виден след мощного удара. Джеймс Гойн [врач пишет «Goin», а не «Gowen»], мальчик-помощник, получил несколько сильных ушибов лба и носа. Затылочные кости его ужасающим образом раздроблены, мозг частью просочился на внешнюю поверхность черепа, частью же рассеян вокруг [10].

Когда Маргарет Джуэлл попросили рассказать об этом страшном вечере, «она оказалась столь потрясена переживаниями, что упала в обморок и всяческие усилия привести ее в чувство долгое время не приносили чаемого результата. Дальнейшим расспросам она не подвергалась». Коронерское жюри, посетив место преступления, осмотрело тела и заслушало показания сторожа Джорджа Олни и соседа Джона Мюррея, после чего вынесло вердикт об «умышленном убийстве, совершенном неустановленными лицами» [11].

Это предварительное следствие не пролиvalo света на вопросы «Кто?» и «Почему?», однако само преступление все-таки дало некоторые улики. Убийца (или убийцы) бросили в доме окровавленную деревянную киянку весом восемь фунтов⁸, какой пользуются корабельные плотники: инструмент, похожий на молоток, с бойком, у которого один конец закруглен (чтобы забивать заклепки на корабле), а другой заострен, «дабы сподручнее было загонять заклепку поглубже под деревянную поверхность». В одной из спален обнаружили также 20-дюймовое долото для работы по металлу, однако оно оказалось чистым [12].

«Громадная толпа» собралась на похороны семьи Марров, состоявшиеся в воскресенье, 15 декабря, в церкви Святого Георгия Восточного. Скорбящие выстроились от самых дверей лавки Марра, чтобы увидеть, как «убиенное семейство пере-

⁸ Около 3,5 кг.

селяется в мрачные смертные чертоги». По настоянию преподобного д-ра Фаррингдона собравшиеся в храме склонили головы, однако не все могли сдержать «порыв произнести несколько крепких выражений среди всеобщей молитвы о небесном мщении, желая, чтобы оно обрушилось на головы неведомых душегубов». Семью погребли в общей могиле: «м-ра Марра — в одном гробу, а мать и младенца — в другом, вместе» [13].

Местные жители еще не оправились от потрясения, вызванного этими убийствами, когда через пять дней, в пятницу, 20 декабря, газеты напечатали известие о новом страшном злодеянии. *The London Chronicle* едва ли не извиняется за то, что вынуждена обрушить эту трагедию на читателя:

С не меньшим ужасом и тревогою нам приходится сообщать, что еще три человека лишились жизни, пострадав от рук полночных убийц, всего в двух минутах пешей ходьбы от того самого места, где несколькими днями ранее погибла таким же образом семья несчастного м-ра Марра [14].

Та же картина: разmozженные головы, глотки, перерезанные до кости. Это злодеяние свершилось в трактире «Королевский герб» по адресу Нью-Грэвел-лейн, 81. Жертвами стали 56-летний хозяин заведения Джон Уильямсон, его 60-летняя жена Элизабет и служанка пятидесяти с лишним лет по имени Бриджет Харрингтон, «которая собирала грязную посуду и прислуживала в баре». Уильямсоны, «лица весьма уважаемые во всей округе», заправляли в «Гербе» 15 лет, радушно принимая там как местных жителей, так и «всякого рода приезжих и иностранцев». Убийства произошли 19 декабря между одиннадцатью часами вечера и полуночью, уже после того, как трактир закрылся. Джон Тёрнер, жилец того же дома, адвокат по профессии, слышал, как трех жертв «бесчеловечно умерщвляли», — сам он при этом находился в относительной

безопасности, поскольку его комната располагалась двумя этажами выше [15].

Тёрнер проживал в «Королевском гербе» восемь месяцев. Он считал Уильямсонов «миролюбивой четой» и вполне доброжелательными квартирными хозяевами. За несколько минут до одиннадцати он пожелал им спокойной ночи и прошел к себе наверх, пока супруги запирали двери.

— Я отправился спать и пролежал в кровати не более пяти минут, когда раздался весьма громкий стук во входную дверь, — вспоминал он, — и тотчас же услышал, как служанка вскричала: «Нас всех убивают!» или «Нас сейчас убьют!», два или три раза.

Затем послышались звук трех мощных ударов по чьему-то телу («не могу сказать, каким орудием») и отчаянный вопль Джона Уильямсона: «Я погиб!» Тёрнер все это время оставался в постели, не зажигая света, так что его комната была темной. Наконец все звуки прекратились. Ему потребовалось несколько минут, чтобы набраться храбрости и пойти посмотреть, что стряслось [16].

— Я выбрался из постели и стал прислушиваться у дверей, однако ничего не услышал, — рассказывал он. — Тогда я спустился на второй этаж, и снизу до меня донеслись три тяжелых вздоха. Потом услышал, как кто-то, ступая очень осторожно, пробирается через проходную комнату на первом этаже. К тому времени я, по-прежнему не одетый, успел спуститься до половины последней пары лестничных пролетов.

Сойдя с лестницы до конца, Тёрнер на цыпочках приблизился к двери, которая оказалась слегка приоткрыта. Он осторожно протиснулся между дверью и косяком, опасаясь, что петли могут закрипеть, если он решится отворить створку пошире.

— При свете свечи, горевшей в комнате, я увидел человека почти шести футов ростом⁹, в обширном пальто грубой

⁹ Около 183 см (1 фунт = 30,48 см).

материи какого-то темного цвета, которое доходило ему до пят, — сообщил свидетель. — Он стоял ко мне спиной, по-видимому, склонившись над кем-то, словно обшаривая карманы жертвы.

Тёрнер услышал отчетливый звон монет и увидел, как незнакомец выпрямляется и прячет в карман свою несправедливую добычу.

— Я не разглядел его лица. Больше я никого там не увидел. Мною овладел страх, и я прошел к себе наверх. Я старался двигаться как можно быстрее, но при этом как можно тише.

Вернувшись к себе, Тёрнер испытал приступ настоящей паники. Он решил не прятаться под кровать (слишком очевидное место), а связал вместе две простыни и один конец получившегося жгута обвязал вокруг столбика кровати. Быстро накинув ночной колпак, рубашку и жилет, Тёрнер спустился по простыням из окна спальни, выходявшего на улицу. Как раз во время этого спуска мимо проходил по своему маршруту ночной сторож, которого, что вполне естественно, заинтересовало необычное зрелище. Услышав рассказ Тёрнера, служитель порядка «воздел свою трещотку» и поднял тревогу.

Несколько мужчин, в том числе сосед Джордж Фокс, вняли этому призыву и вломились в дом через парадную дверь и чердачное окно — после того, как их стук и крики остались без ответа. Передний зал трактира оставался темным, однако в проходной комнате, где находилась кухня, что-то слабо светилось. Это привлекло их внимание.

— На столе горел огонек, — рассказывал Фокс. — В его свете я увидел, что возле камина лежит ничком миссис Уильямсон, головой к дверям. Горло у нее было перерезано, из раны текла кровь.

Разрез проходил от уха до уха, рассекая трахею. Вся правая сторона головы, с начисто содранной кожей и проломленными костями, была буквально разбита на куски «большой кочергой или иным подобным инструментом». Похоже, убийца обшарил ее карманы. Бриджет Харрингтон, служанка, лежала между

телом Элизабет и камином; вокруг нее растекалась кровь, лившаяся из четырехдюймовой раны на шее и из отверстия на правой стороне головы, примерно четырех дюймов в длину и двух дюймов в ширину.

— А где сам старик Уильямсон? — окликнул своих спутников Фокс, с трудом выдавливая слова.

— Да вот он, — отозвался снизу один из тех, кто залез в дом через подвальное окно. — Ему глотку перерезали.

«Перерезали» — это еще мягко сказано. Лезвие убийцы вскрыло шею Уильямсона от уха до уха, «пройдя через трахею, или дыхательное горло, и достигнув шейных позвонков». Правая нога оказалась сломана над лодыжкой: возможно, во время нападения он скатился с лестницы [17].

Убийца удрал через заднее окно — оставив на открытом ставне кровавый отпечаток руки, спрыгнул с высоты восемь футов «на обширную пустошь, принадлежащую Лондонской портовой компании». Ему оставался единственный путь: вверх по береговому склону, покрытому мокрой глиной. Он неминуемо должен был взобраться на скользкую вершину на четвереньках, сильно запачкавшись глиной, прежде чем ему удалось бы скрыться. Но, несмотря на отчаянные поиски, замызганного убийцу никак не удавалось найти [18].

* * *

Убийства на Рэтклиффской дороге — на тот момент «несомненно, самые примечательные за все столетие» — породили невиданную для Лондона панику, какой не случалось вплоть до эпохи Джека-потрошителя. Но, как отмечено в одном историческом исследовании, «на Потрошителя охотились в городе, где уже работали 14 000 сотрудников Столичной полиции... Между тем в 1811 году в Лондоне вообще не существовало эффективной полицейской организации» [19].

Тогда поддержанием правопорядка в британской столице занималась в основном не слишком пригодная для выпол-

нения такой задачи и к тому же раздробленная система, состоявшая из констеблей и ночных сторожей (приписанных к церковным приходам, на которые был разбит город). Ночная стража патрулировала «тесные мощеные улицы Лондона и его промозглые переулки» с десяти вечера до восхода солнца. Сторожа, вооруженным фонарем и трещоткой, вменялось в обязанность реагировать на всякую подозрительную личность, какая им встретится во время обхода, однако было весьма вероятно, что эти блюстители порядка проведут все дежурство пьяными. Лондонский журнал *The Englishman* описывал типичную караульную будку как помещение, где можно застать «ночного констебля спящим, притом нередко в пьяном виде, посреди опустевших судков и стаканов, недавно полных джина с водой, украшающих собою стол и стулья, и все это являет собою картину безудержного разгула, ничуть не походя на место отправления сурового правосудия» [20].

В ист-эндском приходе Святого Георгия, где произошли описанные убийства, охрану несли «не более чем дюжина констеблей, работавших без жалованья» да «тридцать пять ночных сторожей, получавших по два шиллинга за ночь». Но этого было недостаточно. «Частые убийства, происходившие в восточной части столицы, не удастся раскрыть даже посредством самых бдительных усилий... а посему они требуют особого внимания тех, кто непосредственно облечен властными полномочиями, — отмечал один ист-эндский чиновник по следам рэтклиффских злодеяний. — Недавние и нынешние убийства позорят страну и даже, можно сказать, служат упреком самой цивилизации. Когда труды полиции... можно считать недостаточными для защиты человеческой личности от учинителей насилия, без всякой возможности предать преступников справедливому суду и наказанию, наш дом перестает быть нашей крепостью и собственная постель уже не служит нам безопасным прибежищем» [21].

Действовавшее в ту пору лондонское учреждение, наиболее походившее на полицейское управление, являлось детищем

адвоката, романиста и драматурга Генри Филдинга, занявшего в 1748 году должность главного городского судьи. Он стал работать в доме по адресу Боу-стрит, 4, где восемью годами раньше сэр Томас де Вейль, судья, учредил магистратский суд¹⁰. Как сообщала *The Illustrated London News*, «по большей части это темные, грязные, зловонные комнатухи, какая-то помесь голого, неприбранного, запущенного школьного класса и неприглядной камеры для предварительного заключения должников; вы принуждены пробираться сюда по целой паутине коридоров с низкими потолками» [22]. И далее:

Стены засалены и запачканы трением о них нескончаемых компаний несчастных оборванных свидетелей и обвинителей, а также друзей арестантов. Они прозябают во всех здешних проходах и переходах, извивающихся и перекрещивающихся между залом суда и омерзительными камерами, напоминающими ящики [23].

Именно здесь, вынося судебные решения среди «толп обнищавших, ужасающего вида мужчин и женщин, явившихся по повестке, или с жалобой, или же со встревоженным запросом о судьбе пропавших друзей или убежавших куда-то детей», Филдинг (возможно, «первый из англичан, задумавшийся о причинах преступлений») искал средства для борьбы с преступностью. В 1753 году он создал службу охраны правопорядка, состоявшую из семи честных мужчин — их прозвали «ищейки с Боу-стрит»¹¹. Им платили небольшое еженедельное жалованье. «Ищейки» не носили форму, а опознать их можно было по короткой дубинке с навершием в виде золотой короны. «Ищейки» действовали энергичнее обычных приходских констеблей или вечно

¹⁰ Местный или региональный суд с широкими полномочиями, разбиравший как гражданские, так и уголовные дела.

¹¹ Bow Street Runners, букв. «бегуны с Боу-стрит». В отечественной литературе встречается также название «сыщики с Боу-стрит».

пьяных ночных сторожей — они «вдохновенно стремились выявлять исполнителей преступлений, а не только препятствовать тем, кто может замышлять какое-то злодейство» [24].

Джон, младший сводный брат Генри Филдинга, вскоре стал работать у него на Боу-стрит в качестве помощника. Ослепнув в 19-летнем возрасте в результате несчастного случая, Джон тем не менее весьма успешно изучал юриспруденцию и заработал репутацию неутомимого социального реформатора. Братья полагали, что страх поимки — могучее средство сдерживания тех, кто замышляет незаконные действия. С помощью «ищеек» и осведомителей им удавалось быть в курсе преступной деятельности в городе. Эти сведения они публиковали в иллюстрированной *Police Gazette*, руководя из конторы на Боу-стрит своего рода разведывательной сетью, действовавшей в преступной среде. В сущности, братья Филдинги развивали давно уже известное ремесло «ловца воров» («охотника на воров») — профессию несколько более сомнительную, чем «борец с преступностью» [25].

Ловцы воров, эти предприимчивые наемники, хорошо знавшие преступный мир Лондона, во многом действовали как «охотники за головами», отслеживая разного рода воров, убийц и разбойников за денежное вознаграждение. Они орудовали «в мире теней», зачастую столкнувшись со своей же добычей и осуществляя посредническую функцию — обсуждая с жертвой и преступником размер выкупа за возврат украденного имущества. Неудивительно, что многие из этих личностей использовали особенности сложившейся системы ради собственной выгоды. Хитроумный Джонатан Уайлд сколотил небольшое состояние, скупая краденое у тех, на кого якобы охотился, и отдавая вещи законным владельцам за повышенное вознаграждение. Вскоре он стал сотрудничать с ворами, помогая им выбирать жертв, которым потом за немалую сумму «возвращал» украденное [26].

Какое-то время все шло как по маслу. Но потом двое молодчиков из числа подручных Уайлда, арестованных за другое преступление, выдали его в обмен на снисхождение правосудия и помогли отправить «Верховного ловца воров Англии и Ирландии» на эшафот; его повесили 25 мая 1725 года. Насквозь фальшивая деятельность Уайлда ярко и откровенно продемонстрировала двуличие, характерное для ловцов воров. Его историю обессмертил вышедший в 1743 году роман «Жизнь и смерть великого Джонатана Уайлда», который написал не кто иной, как Генри Филдинг [27].

Филдинг умер в 1754 году. На посту боу-стритского судьи его сменил сводный брат Джон, который якобы умел опознавать «более трех тысяч преступников лишь по звучанию голоса». Этот энтузиаст, получивший прозвище Слепой Ключ с Боу-стрит, развивая инициативы Генри, выступал за создание организованных полицейских сил. Для надзора за преступной деятельностью он учредил архивную систему, которая станет прообразом Отдела регистрации преступлений и преступников Скотленд-Ярда. В начале 1760-х Джону Филдингу удалось ненадолго убедить правительство обеспечить финансирование для десяти верховых, патрулировавших дороги, которые вели в Лондон, дабы справиться с засильем разбойников. Затея оказалась плодотворной, но всего через 18 месяцев пала жертвой «скупости казначейства». Конные патрули вновь появятся (уже на постоянной основе) лишь в 1783 году [28].

Между тем «ищейки с Боу-стрит» появлялись и при других магистратских судах, перенимавших систему Филдинга и набиравших собственных констеблей для обнаружения преступлений. К тому же в 1800 году была создана Речная полиция Темзы, которой предписывалось патрулировать водные пути столицы. Увы, ни одна из этих структур не помогла раскрыть убийства на Рэтклиффской дороге, поскольку разнородные полицейские силы относились друг к другу с немалым подозрением. Как отмечал один лондонский судья, «различные служители полиции держат получаемые сведения при себе,

не желая делиться ими с другими, дабы при случае именно себе приписать заслугу обнаружения правонарушителей и воспользоваться соответствующими преимуществами» [29].

Лондону, этому сердцу Британской империи, отчаянно не хватало профессиональной полиции — факт, который рэтклиффские убийства мрачно и настоятельно подчеркнули. «Почти каждую неделю в той или иной газете появлялась откровенная статья о росте числа насильственных преступлений, о продажности полиции или о несведущих судьях, — отмечается в одном историческом исследовании. — Общее, пусть и смутное, ощущение неудовлетворенности положением, возможно, улеглось бы, как не раз в прошлом успокаивалось сходное возбуждение; требовался какой-то толчок, дабы придать ему веса, и ужасающие трагедии на Рэтклиффской дороге как раз и обеспечили его» [30].

Расследование убийств, шедшее в тогдашних условиях через пень-колоду, дало не слишком утешительные результаты после того, как два жильца, обитавшие при пабе «Грушевое дерево», донесли на жившего там же моряка по имени Джон Уильямс. Спустя три дня после кровавой трагедии в «Королевском гербе» Уильямса арестовали по косвенным уликам: киянка, найденная в доме Марра, по описанию походила на ту, которая пропала из «Грушевого дерева»; Уильямс недавно сбрил бороду; у него откуда ни возьмись появились деньги; когда-то он служил на том же двухмачтовом паруснике, что и Тимоти Марр; прачки, стиравшие его одежду, заявили, что «за эти две недели дважды» замечали кровь на его рубашке; наконец, в кармане жилета Уильямса констебли обнаружили «окровавленный нож особенной формы», который «мог стать причиной шейных ран» при убийствах в доме Марров [31].

Но Уильямс, «подвергнутый весьма длительному и суровому допросу», упорно настаивал на своей невинности. До суда его поместили в тюрьму Колдбат-Филдс, где вскоре Уильямс повесился в камере — на «белом шейном платке»,

обязанном вокруг планки, на которую обычно вешали одежду и белье. «По осмотре тела предположили, что он совершил сие деяние незадолго до того, как его труп обнаружили, — сообщала лондонская газета *The Star*. — Глаза и рот его были открыты, и состояние тела явно свидетельствовало о весьма тяжелых предсмертных борениях» [32].

Так Уильямс лишил публику возможности почувствовать, что преступника настигло справедливое и законное возмездие. Его тело провезли «на высокой телеге мимо домов Марра и Уильямсона, а затем в грудь ему воткнули кол, после чего он был сброшен в яму, нарочно вырытую для такой цели на Нью-роуд, в начале Кэннон-стрит-роуд» [33].

* * *

Убийства на Рэтклиффской дороге убедили «думающую часть публики в настоятельной необходимости полного пересмотра всей полицейской системы». Идею профессионального, централизованного департамента полиции рассматривали и прежде, но она неизменно угасала из-за опасений общества и политиков, что такого рода организация может ограничить гражданские свободы и оказаться военизированной по своей природе. Теперь подобные страхи начали отступать — впрочем, это было справедливо скорее для обычного населения, чем для членов парламента, «которые сохраняли зашоренный взгляд на социальный упадок вокруг» [34].

В марте 1822 года 34-летний министр внутренних дел Роберт Пиль, богатый сын текстильного магната, получивший образование в Итоне и Оксфорде, организовал в парламенте Особый комитет¹² для изучения возможности создания в Лон-

¹² Особый (специальный) комитет (Особая комиссия) — временная структура в парламенте, создаваемая исключительно для решения некоего конкретного вопроса. Как правило, не имеет права рассматривать и представлять в парламенте какие-либо законопроекты (в отличие от постоянных комитетов).

доне «системы полиции, наиболее совершенной в смысле соответствия натуре свободной страны». Пилу были не чужды полицейские вопросы. На своем предыдущем правительственном посту — главного секретаря по ирландским делам — он учредил Ирландскую полицию поддержания мира, «предшественницу Королевской ирландской полиции» [35].

Комитет, созданный Пилем, три месяца исследовал проблему, после чего выпустил итоговый доклад, где отмечалось, сколь «трудно примирить какую-либо эффективную полицейскую систему с идеальной свободой действий и неподверженности ненужному вмешательству, кои суть великие преимущества и блага нашего общества». Указывалось, что ограничение этих привилегий «станет слишком тяжелой жертвой ради усовершенствования полиции и иных учреждений, призванных выявлять преступления» [36].

Разочарованный, но не утративший решимости, Пиль еще несколько лет занимался реформой системы правосудия и упрощением слишком громоздкого уголовного кодекса страны. В апреле 1829 года он внес в парламент законопроект под названием «Об усовершенствовании полиции в столице и окрестностях» [37]. В нем говорилось:

Местные учреждения ночной стражи и ночной полиции сочтены неподходящими для предотвращения, обнаружения и расследования преступлений в силу частой профессиональной непригодности лиц, исполняющих эти обязанности, недостаточности их числа, ограниченной сферы их полномочий и малой степени их связи и сотрудничества друг с другом.

Отмечалось также:

Крайне необходимо ввести более эффективную полицейскую систему на смену существующим учреждениям ночной стражи и ночной полиции [38].

— Долг парламента, — объявил Пиль, представляя свой законопроект перед парламентариями, — обеспечить жителей столицы и ее окрестностей полной и всеобъемлющей защитой закона, а также принять быстрые и решительные меры для сдерживания роста преступности, которая ныне ширится с устрашающей стремительностью [39].

С таким мнением трудно было спорить. Народные волнения и преступность в Лондоне, подстегиваемые безработицей и экономической системой, едва ли благоприятствовавшей беднякам, стали вызывать у властей и общества серьезные опасения. На сей раз у законопроекта оказалось мало противников. 19 июня 1829 года он стал законом, согласно которому была официально учреждена Лондонская столичная полиция — первая в мире профессиональная и централизованная полицейская организация. Эта новая структура будет отвечать за территорию, названную Полицейским округом Лондона, — в радиусе 12 миль от центра столицы (им считается перекресток Чаринг-кросс). Округ делился на «17 районных управлений, обозначенных буквами от А до Т», в каждом из которых должны были работать 165 сотрудников. Два магистрата (судьи), которые вскоре станут именоваться комиссарами, будут осуществлять общее руководство этой полицией и подчиняться непосредственно министру внутренних дел [40].

Уже через несколько недель Пиль привлек к делу 46-летнего полковника Чарльза Роуэна, армейского ветерана, некогда служившего под началом Веллингтона при Ватерлоо и являвшегося специалистом по системе военных патрулей, а также Ричарда Мейна, 32-летнего ирландского адвоката, принесшего в руководство полицией богатый юридический опыт. Обоим предстояло на ходу обучаться искусству управления новосозданной полицейской организацией, поскольку ни тот, ни другой «не имел, в сущности, ни малейшего понятия, что и как ему следует делать» [41].

Вероятно, то же самое можно было сказать об их подчиненных, не отличавшихся хорошей подготовкой. «Новая полиция»

(как ее называли в печати) первоначально состояла из восьми суперинтендантов, 20 инспекторов, 88 сержантов и 895 констеблей. Констебль зарабатывал три шиллинга в день. За первые шесть месяцев в новую службу набрали 3200 человек, но половину вскоре уволили за пьянство на посту или за то, что они вообще не вышли на работу. Пиль «создавал организационную структуру лондонской полиции, ориентируясь на военные традиции, в том числе касательно формы, обозначений чинов и званий, а также авторитарной системы подчинения и дисциплины» [42].

Основной задачей Новой полиции стало не просто выявление, а предотвращение преступлений. «Именно к этой великой цели, — отмечалось в первом уставе, составленном для новой службы, — должны быть направлены все стремления полиции. Таким путем безопасность личности и имущества, сохранение общественного спокойствия и другие задачи, присущие всякому полицейскому учреждению, будут достигаться гораздо действеннее, нежели посредством обнаружения и наказания правонарушителя — уже после того, как он успешно совершил свое преступление» [43].

Объявлялось, что карьерный путь сотрудника полиции «будет связан со снижением преступности», — по сути, это стало «предвестием нынешней системы расчета заработной платы на основе производительности труда работника». Констебли патрулировали улицы в форме, которая не позволяла усомниться, что перед вами служитель закона, однако оставляла желать лучшего в смысле комфорта для ее носителя. «Мне приходилось напяливать на себя мундир с коротенькими лапами и высокую заячью шапку, покрытую кожей, весом 18 унций¹³, — вспоминал один из первых сотрудников новой службы, — пару высоких сапог-веллингтонов, толщиной не меньше одной шестнадцатой дюйма, и ремень примерно четырех дюймов шириной с огромной латунной пряжкой дюймов шести в поперечнике» [44].

¹³ Около 0,5 кг.

* * *

Штаб-квартира Новой полиции разместилась в доме 4 по Уайт-холл-плейс; задней стороной дом был «обращен к улочке под названием Грейт-Скотленд-Ярд». Происхождение ее названия не вполне ясно; наиболее распространенной является версия, согласно которой, возможно, именно на этом месте некогда находилась резиденция шотландских королей, где они проживали во время ежегодного паломничества, когда им надлежало принести клятву верности своим старшим английским собратьям. Согласно другой версии, в Средние века эта земля принадлежала человеку по имени Адам Скотт¹⁴. Так или иначе, словосочетание «Скотленд-Ярд», какова бы ни была его этимология, вскоре стало обозначать и саму Лондонскую столичную полицию, и ее штаб-квартиру [45].

К сентябрю 1829 года, когда вербовка сотрудников еще шла полным ходом, шесть районных управлений Скотленд-Ярда уже были готовы к работе. Вечером 29 сентября, во вторник, первые констебли (в обиходе их называли «бобби» и «пилеры» — в честь Роберта [«Бобби»] Пила) заступили на дежурство, выйдя из «еще не доделанного здания полицейского управления в Скотленд-Ярде и из пяти старых караульных». Днем они успели предварительно осмотреть свои участки, теперь же прошагали «колонной по одному по кромке мостовой и “приступили к исполнению своих обязанностей”» [46].

«Насколько их численность, будучи рассредоточена согласно распорядку, окажется сопоставима с количеством их сонных и недисциплинированных предшественников, мы пока не можем судить, — размышляла одна газета. — Но если, что вполне вероятно, выяснится, что в этом отношении они оставляют желать лучшего, публика, мы полагаем, не замедлит осознать: зато они куда более пригодны к несению такой службы и куда более умело организованы как единый отряд» [47].

¹⁴ Scott Land — букв. «земля Скотта».

Новая структура не стала терять времени и вскоре недвусмысленно заявила о своем присутствии. «Могу засвидетельствовать: с тех пор как новая полиция приступила к службе, — писал 6 октября некий читатель *The Times* (газета опубликовала его письмо на следующий день), — на западных наших улицах воцарилось спокойствие... Следует надеяться, что полисмены [пока еще через дефис] и впредь будут неуклонно очищать наши улицы от буянов и пьяниц и что, проделывая это, они поспособствуют улучшению нравов злодеев, устрашению юных неискушенных простаков и обеспечению безопасности мирных обитателей нашей великой столицы» [48].

Впрочем, не все были в восторге. Многие по-прежнему считали, что новая организация — скопище правительственных агентов, чья тайная цель — насаждение полицейского государства. Недоверие проявлялось в «словесных и физических нападках на полисменов». Ранним утром в воскресенье, 11 октября, «толпы пьяных и буйных представителей обоих полов по обыкновению собрались» в печально известном камденском квартале «Семь циферблатов». Когда на место прибыл небольшой контингент констеблей, толпа набросилась на сотрудников полиции с криками: «Вот они, чертовы полисмены!» и «Вот они, жандарморды!» [49].

Пьяный сброд бушевал все необузданнее, и «находившиеся на дежурстве обнаружили, что попали в опасное положение, ибо по численности намного уступали собравшимся». Вскоре «из близлежащих полицейских участков» прибыли подкрепления в количестве 50 сотрудников и рассеяли толпу, задержав около 30 человек. Не прошло и четверти часа, как квартал (по словам одного из очевидцев) «обрел столь же тихий, чинный и приличный вид, как площадь Сент-Джеймс»¹⁵ [50].

Как писала *The Times*, этот случай стал «практическим примером бодрости и решимости, с которыми сие новое

¹⁵ Сент-Джеймс-сквер — площадь перед Сент-Джеймским дворцом, в самом центре Лондона.

гражданское учреждение, по-видимому, с готовностью исполнило свою неприятную, но необходимую обязанность». О да, неприятную. 29 июня 1830 года полицейский констебль (Police Constable, Р. С.) Джозеф Грантем попытался разнять двух пьяных, вступивших в драку между собой. Он стал первым сотрудником Скотленд-Ярда, погибшим при исполнении: в ходе потасовки его свалили на землю, после чего он получил удар ногой в висок. Накануне жена Грантема разродилась двойней. А через полтора месяца, 16 августа, вор нанес констеблю Джону Лонгу смертельное ножевое ранение в сердце (дело было возле Грейз-Инн-роуд) [51].

Что ни говори, сотрудники Скотленд-Ярда проходили суровую школу. Но они хорошо усваивали уроки, хотя те были нелегкими и кровавыми. В первое время казалось немыслимым, что созданная служба задаст новые стандарты полицейской работы, однако ей это удалось — на всем протяжении XIX века и вплоть до кануна Второй мировой. Новая структура внедряла применение передовых криминалистических методов — от исследования отпечатков пальцев до баллистики и сбора улик; она сделала первые попытки составления психологических портретов преступников (профайлинга); более того, она захватила воображение публики по обе стороны Атлантики благодаря настоящим подвигам сыскной работы, соперничавшим с деяниями героев лучших детективных романов. Короче говоря, имя новой полицейской службы со временем станет широко известным и самым узнаваемым. Но Скотленд-Ярд выстраивал свою репутацию постепенно — распутывая все новые и новые дела, одно другого мрачнее.

ОСКВЕРНИТЕЛИ ПРАХА

«ВОСКРЕСИТЕЛИ». ЭКСКУРСИИ ПО МЕСТАМ БЫЛЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Они трудились в неверном свете переносных фонарей, пробираясь от одной могилы к другой, разрывая и извлекая, оставляя после себя следы гнили и осквернения. Утром, когда служители открыли кладбищенские ворота, их глазам предстали среди перекошенных могильных камней «распахнутые гробы, чьи ныне покойные жильцы оставались открыты всем ужасам — отвратительным ужасам — разложения и гниения». А четыре вытащенных из земли гроба лежали «вовсе лишившись своего содержимого, если не считать одежды мертвецов». Такую ужасную работу проделали «черные» эксгуматоры ноябрьской ночью 1830 года на одном из кладбищ Кембриджшира [1].

Похищение тел — ограбление могил в поисках свежих трупов — стало в Британии XIX века весьма распространенным и прибыльным промыслом. Именно на этом мрачном фоне Мэри Шелли опубликовала свой роман «Франкенштейн, или Современный Прометей». Эта книга во многом являет собой безрадостное исследование проблем смерти и нравственности научных экспериментов — то и другое весьма занимало тогда общественное сознание. «Чтобы рассмотреть причины жизни, — пишет доктор Франкенштейн, — мы должны первым делом обратиться к смерти. Я освоил науку анатомии, однако этого оказалось недостаточно; мне надлежит еще наблюдать за распадом и разложением человеческого тела». Чтобы найти сырье, необходимое для его ужасных опытов,

Франкенштейн (как он сам признается) вынужден «ворошить оскверненную сырость могилы» [2].

Как и в романе (впервые опубликованном в 1818 году), развитие медицинской науки и обострившееся желание разобратся в человеческой анатомии подпитывали вполне реальную и весьма зловещую преступную отрасль — расхищение гробниц. В 1823–1834 годах в Лондоне и окрестностях открылось 10 медицинских школ. В этот период Особый комитет по анатомии, созданный при парламенте, выпустил отчет, где отмечалось: «Полагаем, в медицинских школах Лондона обучаются около 800 студентов, из коих около 500 практикуют вскрытия». Для удовлетворения такого спроса ежегодно требовалось «450–500 трупов». Как выяснилось, покойники — товар ходовой [3].

Тела повешенных за убийство традиционно становились материалом для медицинских исследований, что стало следствием «Закона об убийствах» 1751 года, в котором такие трупы предписывалось «переправлять... в зал Хирургической компании... где хирургу надлежит вскрывать и анатомировать их». Однако в XIX веке, со снижением числа казней и повышением количества студентов-медиков, предложение уже не могло удовлетворять возросший спрос [4].

«Абсолютная необходимость запастись порядочным количеством [трупов] для использования студентами, дабы предотвратить их отток в конкурирующие школы, — отмечается в одном исследовании, — принуждала преподавателей покупать сей товар по немалой цене. Поэтому некоторые оборотистые господа сочли выгодным всецело посвятить себя добыче тел для данной цели» [5].

Это и были «воскресители», названные так потому, что «возвращали» мертвецов в наш мир — как бы воскрешали. Зачастую основным ремеслом этих людей было воровство; они представляли «наиболее отчаявшееся, всеми брошенное сословие среди местных жителей». Они сбивались в шайки, которые по ночам обшаривали кладбища в поисках недавно засыпанных могил

и свежего товара. Одни извлекали гробы из земли целиком, другие подходили к делу с большей, так сказать, утонченностью. Такие умельцы докапывались до гроба, вскрывали его ломом, обвязывали труп веревкой (за шею или под мышками) и выволакивали из вечного пристанища. Одна газета возмущенно писала, что именно «в результате подобных ужасных преступлений столы в анатомических театрах широко изобилуют трупами». Ужасные не ужасные, но промысел оказался весьма прибыльным. Свежий труп часто удавалось сбить за целых 16 гиней (по современным ценам это 2200–2800 фунтов)¹⁶ [6].

Для предотвращения подобных осквернений церковное и кладбищенское начальство стало нанимать ночных сторожей и возводить «высокие стены, засыпанные поверху толченым стеклом или же утыканные железными пиками». Нередко сами скорбящие родственники ночь за ночью несли караул у могил новопреставленных до тех пор, пока нельзя было с уверенностью сказать, что труп сгнил [7]. Некий джентльмен-изобретатель предложил оригинальную идею. Вот что писала 27 февраля 1830 года газета *The Northampton Mercury*:

Ради сохранности мертвецов. — Один сельский механик, стремясь уберечь тела покойников от жадных рук «воскресителей», говорит: «Я могу пристроить в гробу 6-фунтовую гранату, снабженную пружиной и ударным капсюлем, притом защитив ее от влаги и добившись, чтобы она оставалась действенной в течение трех месяцев; если в означенный период «воскреситель» попытается извлечь либо труп, либо гроб, его ждет почти неминуемая и мгновенная гибель». Берегитесь, «воскресители!» [8]

Некоторые не ограничивались расхищением могил. В 1828 году на протяжении 10 месяцев 16 жителей Эдинбурга погибли от рук печально знаменитых Уильяма Бёрка и Уильяма

¹⁶ Гинея равнялась 1,05 фунта стерлингов: в гинее был 21 шиллинг, в фунте — 20.

Хэйра. Удушение путем осторожного лишения воздуха (так называемый бёркинг) стало для них излюбленным методом убийства, поскольку не оставляло видимых следов насилия. Один местный анатом, не знавший, откуда поступил товар, приобрел трупы их жертв для своих лекций. В октябре парочку схватили, но Хэйр сумел опровергнуть доказательства, представленные государственным обвинением, и избежал эшафота. Бёрк же 28 января 1829 года закачался в петле. Четыре дня спустя Александр Монро, профессор анатомии из Эдинбургского университета, произвел публичное вскрытие тела самого Бёрка [9].

* * *

Звонок в прозекторской Королевского колледжа, недавно учрежденного в британской столице (в самом центре, на Стрэнде), прозвенел в субботу, 5 ноября 1831 года, в 11:45. Уильям Хилл, служивший в анатомическом театре подсобным рабочим, открыл дверь и впустил Джонатана Бишопа и Джеймса Мэй. Он знал обоих: ему доводилось покупать у них трупы. Мэй спросил у Хилла, не нужен ли тому материал для вскрытия.

— Да не особенно, — ответил Хилл, но тут же, не совладав с любопытством, поинтересовался: — А что у вас есть?

— Мужская туша, — сообщил Мэй, едва ворочая языком (он был изрядно пьян).

Речь шла о теле 14-летнего мальчика. Пришедшие готовы были расстаться с ним за 12 гиней.

Хилл заявил, что цена слишком высока, что школа сейчас не нуждается в трупах, но что он все же на всякий случай поговорит с анатомическим демонстратором. Он пригласил Мэй и Бишопа войти (на мокрых и мрачных улицах ноябрьского Лондона было не слишком уютно), после чего сходил за Ричардом Партриджем. Тот, как и Хилл, отказался платить запрошенную сумму и предложил девять гиней.

— Да разрази меня гром, если он стоит меньше десятки! — с этими словами Мэй сплюнул на пол и, шатаясь, вышел вон.

— Понимал бы чего, — отмахнулся его подельник Бишоп. — Напился как свинья. Сойдет и за девять монет.

Бишоп с Мэем исчезли среди серых улиц и вернулись между двумя и тремя часами дня. Они привели с собой двух коллег — Томаса Уильямса и Майкла Шилдса. Визитеры приволокли большую плетеную корзину. Хилл пригласил их внутрь. Бишоп и Мэй затащили корзину в смежную комнату и, открыв крышку, показали труп, завернутый в холстину. Пьяный Мэй, по-видимому, плохо соображал и «весьма неосторожно вытащил труп из мешка» [10].

Труп, заявили оба, был «очень недурной». Хилл заметил, что он выглядел «совсем свежим», и вслух подивился, отчего это покойник умер в столь нежном возрасте. В ответ Бишоп и Мэй лишь пожали плечами. «По виду тело не походило на лежавшее прежде в гробу, — отметил позже Хилл, опытный в таких делах. — Левая рука была вывернута к голове, пальцы на ней тесно сжаты». Порез на лбу мертвого мальчика возбудил у Хилла некоторые подозрения, но Бишоп настаивал, что лоб просто случайно поранили, когда тело выпало из обертки. Хилл не знал, что и думать. Он позвал Партриджа, чтобы тот посмотрел сам [11].

Партридж в сопровождении нескольких своих студентов вошел в помещение и осмотрел доставленный товар. «Глаза казались весьма свежими, губы — полнокровными, — вспоминал демонстратор. — Притом грудь выглядела так, словно с нее недавно стерли кровь». Партридж ненадолго вышел вместе с коллегами — якобы для того, чтобы принести деньги, необходимые для совершения сделки. Один из студентов не мог не заметить, что по своему виду тело «отвечало описанию мальчика, который недавно пропал, о чем сообщали афишки, развешанные на окрестных улицах» [12].

Вернувшись, Партридж объявил Бишопу и Мэю, что у него только 50-фунтовая банкнота и кое-какая мелочь, но, если они готовы подождать, он разменяет крупную купюру.

— Дайте мелочь, уж какая есть, — предложил Бишоп, — а я тогда в понедельник зайду за остальным.

Мэй же предложил Партриджу отдать им 50-фунтовый билет — мол, они сами где-нибудь разменяют.

— Вот уж нет, — ответил Партридж с улыбкой и снова вышел из комнаты. Через 15 минут он вернулся — в сопровождении инспектора и нескольких констеблей из районного управления F (отвечавшего за Ковент-Гарден), которые и задержали четырех продавцов трупов. Мэй, расхрабвившись от выпитого, несколько раз ударил одного из сотрудников полиции, прежде чем буяна сумели утихомирить. Констебли отволокли арестованных (и корзину с трупом) в Ковент-Гарденское управление, причем избитый Мэй передвигался на четвереньках, «его голова была покрыта холщовым рабочим халатом». Старший офицер управления, суперинтендант Джозеф Сэдлер Томас, велел поместить четырех арестантов в одну комнату [13].

— Что вы можете сказать в свое оправдание? — спросил он у Мэя. — Вы обвиняетесь в присвоении этого материала неподобающим образом.

Мэй фыркнул:

— Я тут ни при чем. Матерьялец вон того джентльмена, — он ткнул пальцем в сторону Бишопа. — А я только за ним увязался, когда он пошел продавать.

Томас поинтересовался у Бишопа, чье это тело.

— Мое, — ответил Бишоп, — а ежели хотите знать, как я им разжился, сами кумекайте. Может, и сообразите.

Затем Томас спросил, чем Бишоп зарабатывает на жизнь.

— Трупы ворую, черт побери! [14]

Оставив арестованных, суперинтендант прошел в одно из задних помещений участка, чтобы осмотреть принесенное тело. Два констебля вынули мертвого мальчика из корзины, осторожно извлекли из мешка и положили на стол. «Я сразу понял, что это тело человека, который умер недавно, — заметил Томас. — На мой взгляд, из челюстей были насильственным путем извлечены зубы» [15].

Больше труп ничего не смог ему поведать.

* * *

В тот же вечер арестантов под усиленным полицейским конвоем доставили в Магистратский суд на Боу-стрит. «Вид покойного и тот факт, что двое из арестованных — хорошо известные похитители тел, почти тотчас же породили слухи, будто несчастный мальчик подвергся бёркингу со стороны задержанных, — писала *The Times*. — Толпы, окружившие здание и пытавшиеся прорваться в него, чтобы услышать допрос, оказались куда многочисленнее, чем мы могли бы припомнить по каким-либо предыдущим случаям» [16].

Одержимые болезненным любопытством заполнили зал суда под завязку. Томас, принеся присягу, сообщил, что предъявляет четырем задержанным обвинение в «убийстве мальчика примерно четырнадцати лет», чье имя назвать не может. Суперинтендант добавил: хотя он сейчас и не располагает доказательствами, представители Королевского колледжа могут засвидетельствовать, что арестованные пытались продать тело. Томас сообщил суду, что уже после ареста Бишоп заявил: он приобрел тело в колледже Гая¹⁷.

— Я направил запрос в больницу Гая, желая узнать, умирал ли у них недавно мальчик, отвечающий такому описанию, — объяснил Томас. — Получил справку, из которой явствовало, что с 28-го числа там скончалось три человека: одна женщина и двое мужчин в возрасте тридцати трех и тридцати семи лет. Поэтому утверждение Бишоп касательно того, где он приобрел тело, не может быть верным.

На вопрос, имеет ли он что-нибудь сказать в свою защиту, Бишоп промолчал. А Мэй, «одетый в крестьянскую блузу и казавшийся совершенно беспечным в ходе всего допроса», разыграл неведение.

— Это не мой покойник, — заявил он, — и ничего я про него не знаю.

¹⁷ Имеется в виду больница Гая, входящая в состав Королевского колледжа.

Уильямс и Шилдс объявили о своей невиновности.

Судья постановил, чтобы арестованных оставили под стражей, и распорядился провести вскрытие трупа, «дабы прийти к твердому заключению касательно причины смерти».

«Затем арестантов препроводили в камеры, расположенные в задней части здания суда, — писал один репортер. — По пути некоторые из собравшихся в зале провожали их стонами неудовольствия и сердитым шипением» [17].

Доктор Джордж Бимен, местный хирург, в ту же ночь произвел беглый осмотр тела в полицейском участке. По оценке Бимена, мальчик был мертв не более 36 часов. «Лицо выглядит распухшим, — отмечал он, — язык раздут и высунут, глаза выкачены и налиты кровью». Кроме того, он заметил над левой бровью рану примерно дюйм длиной. Из разреза продолжала сочиться кровь, однако лобная кость, по-видимому, не треснула. «Все зубы извлечены, — сообщил он, — десны имеют ссадины и синяки; части [нижней] челюстной кости сломаны и вынуты вместе с зубами» [18].

На другое утро, в субботу 6 ноября, мимо тела ребенка прошествовала печальная процессия отчаявшихся людей. Томас уже получил восемь просьб разрешить осмотр покойника — от родителей пропавших мальчиков «возрастом 13–14 лет». «Родители не простили бы себе свое отсутствие на таковой процедуре, — писал он, — и все они явились в большом смятении чувств. Один из пропавших мальчиков был глухонемым» [19].

Впрочем, никто из этих опечаленных родителей не признал загадочного мальчика за своего сына. Одна итальянская пара заявила, что узнала его, но не знает его имени: уличный музыкант Джозеф Парагалли и его жена утверждали, будто на протяжении последних двух лет иногда мельком видели этого мальчика. Он тоже был итальянцем и часто бродил по улицам, повесив на шею клетку с двумя белыми мышами. В последний раз они заметили его, когда он шел по Оксфорд-стрит в четверть первого пополудни 1 ноября, во вторник [20].